СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

1886.

Февраль, № 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». Большая Морская, № 58.

1886.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ИЗЪ ДѢТСТВА И ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ.

Часть первая.

I.

Когда я была еще такой маленькой дѣвочкой, что меня могла носить на рукахъ моя мать, я была очень счастлива. Я не знала тогда, что такое печаль или горечь обиды, я не подозрѣвала, что и для меня, какъ для тысячи другихъ, въ будущемъ кроется горе. Въ то время весь пространный Божій міръ заключался для меня въ томъ дорогомъ уголкѣ, гдѣ мы жили съ матерью. Какъ горячо я любила ее! Какъ сладко мнѣ было сидѣть около нея, когда она работала у окна, и глядѣть то на нее, то на синее небо и на облака, которыя по небу гналъ вѣтеръ, то на пестрый лугъ, разстилавшійся за окномъ... На лугу росло много цвѣтовъ, а около нихъ вились пчелы и бабочки...

Мать иногда отсылала меня играть въ садъ; нехотя отрывалась я отъ нея, но слушалась и шла. Въ саду вокругъ луга обѣгала узкая дорожка, посыпанная желтымъ пескомъ, въ которомъ попадались чудесные пестрые камушки; я играла ими или бѣгала сначала вокругъ луга, а потомъ и между кустами, куда дальше извивалась дорожка, приводившая меня къ темно-синему прозрачному озеру. По берегу озера росли камыши, а надъ ними склонялись старыя ольхи и кривыя плакучія березы. Но тамъ, куда примыкала тропинка, было открытое песчаное мѣсто; по сторонамъ его росли кусты смородины и зеленѣла высокая, густая трава, а изъ нея глядѣли большія незабудки и мнѣ казалось, что онѣ съ какой то задумчивой, молчаливой

лаской киваютъ мнѣ своими голубыми головками. Я не рвала ихъ, а смотрѣла на нихъ и тоже кивала имъ головой.

Иногда я садилась тутъ у озера на старую, упавшую, полусгнившую ольху и думала... О чемъ? А Богъ его знаетъ, но мнѣ было очень хорошо. Вѣтеръ шелестѣлъ въ кустахъ смородины и рябилъ воду... Надъ бѣлыми и желтыми кувшинчиками, подальше отъ берега, летали синія увертливыя стрекозы... Еще дальше надъ водой носились чайки... На томъ берегу кто то пѣлъ... Надъ головой моей высоко-высоко плыли въ небѣ журавли и кричали: „Курлы! Курлы!“

Все это было очень хорошо.

Когда меня отъискивали и уводили домой, я не знала сколько времени просидѣла у озера; я была рада навсегда остаться тамъ, но меня уводили къ матери, а мать я любила больше озера, и незабудокъ, и журавлей—больше всего на свѣтѣ!

Разъ я нашла въ кустахъ смородины гнѣздо съ маленькими птенчиками; какіе они были смѣшные, почти голенькіе, съ такими толстыми брюшками и такими огромными головами; какъ они пищали, какъ широко разѣвали рты! Я не тронула ихъ, какъ не трогала незабудокъ... я только глядѣла на нихъ и думала: отчего они такіе пискуны? Вдругъ прилетѣла старая птичка и стала кормить своихъ дѣтей; тогда я догадалась отчего они такъ кричали: они звали свою мать. Я поскорѣй побѣжала домой и разсказала матери о томъ, что видѣла. Послѣ я думала; какъ бы я кричала, еслибы моя мама ушла куда нибудь надолго! Но она никуда надолго не уходила — она никогда не оставляла своей дѣвочки.

Вотъ и все, что я знаю о первомъ лѣтѣ, которое запомню.

Потомъ пришла осень; цвѣты на лугу начали блекнуть, осины покраснѣли, березы и ольхи стали желтыя и бурыя, а потомъ облетѣли... Вѣтеръ гулялъ вокругъ дома и гонялъ по лугу желтые и коричневые сухіе листья... Бабочки, пчелы и стрекозы куда то улетѣли. Къ озеру нельзя было пробраться: на тропинкѣ стояла вода — и въ голыхъ кустахъ смородины давно опустѣло гнѣздо птенчиковъ крикуновъ.

Я теперь еще чаще прежняго сидѣла около матери, работавшей по старому у окна; я смотрѣла какъ въ стекло хлещетъ дождь и скатывается съ него крупными каплями. Небо было сѣрое, темное. Потомъ пересталъ дождь и пошелъ снѣгъ; онъ летѣлъ большими пушистыми хлопьями и заносилъ все: и лугъ

и дорожку; онъ пригнулъ къ землѣ березы и осины и огромными бѣлыми шапками налегъ на сосны и ели. Потомъ небо опять сдѣлалось яснымъ и солнце заиграло и заискрилось на ярко-бѣломъ, снѣжномъ коврѣ. Потомъ нельзя уже стало и въ окно смотрѣть: оно все зацвѣло чудесными ледяными узорами и каждый день узоры были все новые. Тогда меня одѣли тепло и повели гулять. Сначала мнѣ было очень неловко: шубка была такая тяжелая и толстая, ноги какъ то не слушались и совсѣмъ тонули въ неуклюжихъ высокихъ валеныхъ сапожкахъ... Но когда я вышла на дворъ, мнѣ вдругъ стало даже весело отъ того, что я не умѣю ходить по снѣгу... Какъ онъ хруститъ подъ ногами! Какъ скользятъ мои новыя валенки? Вотъ я падаю, но свѣжій снѣгъ мягокъ, и я громко смѣюсь... смѣется со мною и моя мать. Я скоро выучилась ходить по снѣгу.

Очень хорошо было и все это.

Потомъ мнѣ дали салазки, и я каталась въ нихъ съ горы, а на гору взбѣгала сама и везла салазки и затѣмъ опять каталась внизъ... пока у меня начинали горѣть щеки и руки отъ морозу. Тогда меня уводили домой и я опять садилась у окна около работавшей матери.

Въ ледяныхъ узорахъ окна я отогрѣвала дыханіемъ прозрачное мѣсто и смотрѣла, какъ по подоконнику скачутъ и жмутся на стужѣ воробьи, которымъ я изъ форточки насыпала корму. Я сидѣла смирно-смирно, чтобы не распугать ихъ: мнѣ было такъ жаль, что имъ на дворѣ холодно, когда намъ такъ тепло въ комнатѣ, гдѣ весело въ печкѣ трещатъ дрова, а по угламъ стоятъ высокія зеленыя растенія, словно въ саду лѣтомъ.

Потомъ помню, какъ мнѣ сказали, что скоро у меня будетъ маленькій братъ или сестра; помню, какъ радовалась и ждала; помню, что въ это время пріѣхалъ отецъ, который былъ гдѣ-то въ отлучкѣ. Какой у него былъ грустный и озабоченный видъ, когда онъ глядѣлъ на мою мать! Потомъ помню я, какъ меня вдругъ разбудили ночью и понесли въ комнату матери: тамъ былъ отецъ, была какая то толстая чужая старуха и еще какой то высокій незнакомый человѣкъ. Меня принесла тоже чужая женщина; она нагнула меня къ матери: мать положила мнѣ руку на голову, а другою стала крестить меня... и отецъ водилъ эту крестящую руку...

Потомъ мать поцѣловала меня и у нея губы были точно ледъ... тогда мнѣ въ первый разъ въ жизни сдѣлалось страшно и я

закричала изо всѣхъ силъ... Вдругъ я услышала, какъ кто то сталъ захлебываться... Чужая женщина, державшая меня на рукахъ, быстро унесла меня въ мою комнату и уложила въ постельку... Какъ я тутъ кричала и плакала... Я кричала гораздо дольше и громче, чѣмъ птенчики, которыхъ я лѣтомъ видѣла въ кустахъ. Чужая женщина унимала меня и бранила— прежде никто меня никогда не бранилъ—она говорила: „Дрянная дѣвчонка, замолчишь ли ты! Вѣдь и умереть не дастъ матери покойно!"

Потомъ я заснула.

Когда я на утро хотѣла идти къ матери, меня не пустили и сказали, что ее унесли ангелы; сначала я бранила, а потомъ стала плакать и просить, чтобы и меня отвели къ ангеламъ, которые взяли мою маму. Но мнѣ отвѣтили, что этого нельзя и что ангелы оставили мнѣ за маму маленькаго брата. Я не захотѣла даже и взглянуть на него: мнѣ никого теперь не было нужно. Но и маленькаго брата въ тотъ же день унесли ангелы.

На третій день мнѣ сказали, что если я буду умница, то ангелы позволятъ мнѣ еще разъ посмотрѣть на спящую мать. Я съ горячими слезами обѣщала быть умной, совсѣмъ умной... Тогда меня повели въ комнату матери. Тамъ пахло цвѣтами и были облака какого то дыму, отъ котораго у меня закружилась голова. Сначала я ничего не могла разобрать, все было не такъ, какъ прежде: посреди комнаты стояло что то большое и черное, кругомъ были высокія, горящія восковыя свѣчи въ огромныхъ, блестящихъ подсвѣчникахъ... Кто то нараспѣвъ говорилъ что то непонятное...

Меня поднесли къ тому, что было посреди комнаты, и я вдругъ увидѣла свою мать совсѣмъ блѣдную, съ закрытыми глазами и связанными на груди руками... Мнѣ велѣли поцѣловать эти руки... и они были точно ледъ. Тогда мнѣ стало такъ страшно, такъ жалко мать, что я опять закричала и меня тотчасъ унесли.

Потомъ все становится у меня на нѣкоторое время смутнымъ. Знаю я, что мнѣ гдѣ то было больно, хотя я не могла сказать гдѣ; знаю, что мнѣ было тяжело и скучно. Я все ходила изъ комнаты въ комнату и искала матери, но ее нигдѣ не было. Я иногда садилась у окна, гдѣ бывало работала она... Какъ теперь все было пусто безъ нея. Я все думала, какъ бы узнать, куда ангелы унесли ее, и самой убѣжать туда.

Отецъ привелъ ко мнѣ какую-то женщину—она была старая и сѣдая — онъ сказалъ, что это будетъ моя няня. Пока была со мною мать, у меня никакой няни не было. Няня была ласкова и добра, но я ее не любила: она вовсе не была похожа на мою мать.

Я совсѣмъ перестала играть и даже рѣдко съ кѣмъ говорила; я едва слышала, когда меня о чемъ-нибудь спрашивали: я все думала о той, которая не возвращается ко мнѣ, какъ я ни жду ее.

Разъ меня одѣли и повезли куда-то. Мы ѣхали много дней въ душномъ возкѣ; я сидѣла на колѣняхъ у отца и видѣла, какъ онъ по временамъ утираетъ слезы. Была все еще та зима, которая началась такъ чудно, когда я, сидя около работавшей матери, любовалась ясными узорами на замерзшихъ стеклахъ. По вечерамъ мы останавливались у какихъ-то домовъ; меня туда вносили и укладывали спать, а раннимъ утромъ будили и опять сажали въ возокъ и мы ѣхали дальше. Наконецъ мы пріѣхали въ такое мѣсто, про которое отецъ сказалъ, что это городъ. Тутъ были одни только дома, такіе огромные, такіе грязные.... И вокругъ нихъ не было чистыхъ снѣжныхъ полянъ, не было пригнувшихся подъ тяжестью инея и снѣга деревьевъ... Вездѣ сновали люди пѣшкомъ, и въ саняхъ и въ каретахъ.

Какъ мнѣ тутъ было скучно и не хорошо! Какъ крѣпко жалась я къ отцу, какъ крѣпко держалась за его руку. Наконецъ мы вошли въ одинъ изъ большихъ и грязныхъ домовъ и стали жить въ немъ. Отецъ часто и надолго уходилъ изъ дому, я рѣдко видѣла его; со мною постоянно оставалась только няня... Но мнѣ было все равно, есть-ли кто со мною или нѣтъ: горе по матери не уменьшалось, оно поглотило меня всю... я все только думала о ней и о томъ, что сколько ни жду, все не могу ее дождаться!

Я и здѣсь часто сидѣла у окна и ко мнѣ стали прилетать воробьи, какъ прилетали и тамъ, откуда меня привезли въ это новое, незнакомое мѣсто. Когда я ихъ въ первый разъ увидѣла, я заплакала и закричала: „Мама, мама, ахъ мама!“ А няня стала унимать меня и говорить, что: „Стыдно капризиться!“

Когда меня теперь вечеромъ клали въ постельку, я долго не могла заснуть: я все думала о моей блѣдной холодной матери съ закрытыми глазами, съ связанными на груди руками.

Разъ, когда я стала дремать послѣ того, какъ тихо-тихо и долго плакала, такъ долго, что подушка вся смокла отъ моихъ

слезъ, мнѣ вдругъ показалось, что около моей постельки стоитъ высокая, блѣдная женщина, точь въ точь съ такимъ лицомъ, какъ у моей матери. Но я знала, что это не мать и, зная это, все-таки не испугалась, когда блѣдная женщина нагнулась надо мной и тихо проговорила:

„Я буду приходить къ тебѣ!“

Потомъ она сѣла около меня и стала разсказывать и пѣть мнѣ о лѣтѣ, и объ озерѣ, и о стрекозахъ и незабудкахъ, и о птенчикахъ пискунахъ. Она стала пѣть про луга и поля, и про небо, и про облака. Потомъ она пѣла про зиму, и про снѣжные хлопья, и про чудные узоры, которые рисовалъ морозъ на окнахъ. Но лучше всего она говорила и пѣла про мою умершую мать.

На утро я спросила няню, кто была женщина, приходившая ко мнѣ. Няня сначала удивилась и не знала что сказать; но потомъ, когда я разсказала ей о томъ, что пѣла мнѣ высокая женщина, она задумчиво отвѣтила: „это только „дума“ твоя!“

Я стала ждать „думы“ каждую ночь, но она не показывалась мнѣ больше. Только мнѣ все чудилось, что и не видя ее, я постоянно слышу ея тоскливый и сладкій шепотъ о быломъ.

Давно, очень давно все это было, но и до сихъ поръ я не забыла ни такъ рано умершей матери, ни дорогой моей думы, которая временами и теперь шепчетъ мнѣ о ней, о старомъ отцовскомъ домѣ, о лугахъ и поляхъ, объ озерѣ, о журавляхъ, о птенчикахъ-пискунахъ и о зимнихъ вьюгахъ.

II.

Смерть матери моей отозвалась на отцѣ моемъ еще тяжелѣе, чѣмъ на мнѣ. Жизнь его была совершенно разбита этимъ неожиданнымъ горемъ. Имъ овладѣла глубокая тоска. Онъ былъ всегда религіозенъ, теперь набожность его стала мало-по-малу переходить въ какой-то аскетическій фанатизмъ. Онъ бросилъ всѣ заботы о житейскихъ дѣлахъ: небольшое имѣніе его, заложенное еще покойнымъ дѣдомъ, окончательно разстроилось и пошло въ продажу съ аукціона. Онъ прежде горячо любилъ меня—тутъ онъ охладѣлъ и ко мнѣ. Мое присутствіе стало даже какъ будто тяготить его. Совершенно неожиданно для меня онъ отвезъ меня въ сосѣднее съ нашей бывшей Топиловкой, имѣніе внучатнаго своего племянника Брянскаго, написавъ ему, что поручаетъ меня его

покровительству, и самъ уѣхалъ, какъ мнѣ сказали, на Аѳонъ, чтобы поступить тамъ въ монахи. Богачъ Брянскій, проживавшій въ то время въ Парижѣ, не пожалѣлъ для меня крова и хлѣба и отписалъ своему управляющему, чтобы меня держали въ усадьбѣ, пока не возьмутъ меня родные.

Отецъ писалъ Брянскому, что проситъ о помощи и покровительствѣ для меня также двоюроднаго брата своего, Илью Михайловича Медвѣдева. Почему отецъ не сразу поручилъ меня Медвѣдеву—не знаю. Вѣроятнѣе всего то, что онъ боялся, что его начнутъ отговаривать отъ намѣренія поступить въ монастырь и откажутся взять меня, надѣясь этимъ удержать его. Въ письмахъ какъ къ Брянскому, такъ и къ Медвѣдеву, онъ упоминалъ, что я имѣю право поступить въ институтъ на казенный счетъ, и просилъ похлопотать обо мнѣ и отдать меня туда, когда наступитъ для этого время.

Какъ-бы тамъ ни было, но семи лѣтъ отъ роду я очутилась вполнѣ одинокой и безъ всякихъ средствъ къ существовонію, помимо милостыни богатыхъ родственниковъ.

Въ имѣніи Брянскаго я прожила года два съ половиною. Управляющій былъ не злой человѣкъ; онъ всегда обходился со мной ласково и о нуждахъ моихъ радѣлъ. Жена его, молодая, веселая институтка, иногда возилась со мною и заставляла меня учить различные уроки. Училась я также у приходскаго священника. Присмотръ за мной былъ порученъ старой барской барынѣ, доживавшей свой вѣкъ на покоѣ. Старуха эта была тиха и добра; со мной она была терпѣлива и ласкова и часто охала, гладя меня костлявою рукою по головѣ. Ее звали Марьей Тимофеевной. Она по цѣлымъ днямъ вязала чулки и молчала или что-нибудь бормотала про себя. Она была почти совсѣмъ глуха. Я тоже цѣлые дни молчала съ нею. Съ самаго утра, вставъ съ постели и напившись чаю съ Марьей Тимофеевной, я брала какую нибудь книгу и читала или учила свои уроки. Около усадьбы было большое село: тамъ жилъ учившій меня священникъ, отецъ Иванъ. Иногда отъ него приходили за мною. Прежде мы съ матерью заходили къ нему отъ обѣдни. И священникъ и матушка въ прежнее время также бывали у насъ въ Томиловкѣ по праздникамъ. Это были старики, жили они одни: дѣти ихъ давно разсѣялись по бѣлу свѣту. Я часто съ любопытствомъ разсматривала цѣлые десятки фотографическихъ карточекъ ихъ, развѣшанныхъ на дешевенькихъ обояхъ матушкиной гостиной.

Какъ ни стара была Марья Тимофѣевна, она однако не пропускала ни одной обѣдни. За ней плелась и я. По окончаніи службы мы пили чай у отца Ивана. Тутъ Марья Тимофеевна обыкновенно заводила съ матушкою конфиденціальный разговоръ о моихъ дѣлахъ, покачивая головою и охая. Она по глухотѣ говорила престранно: то шепотомъ, то съ выкриками. Матушка кричала ей всѣ секреты въ ухо. Благодаря ихъ разговорамъ я узнала, что батюшка въ перепискѣ съ Медвѣдевыми по поводу меня и только ждетъ окончательныхъ инструкцій для того, чтобы отослать меня къ нимъ. Толковали обѣ старухи тоже о какой-то сердобольной душѣ, присутствовавшей при смерти моей матери и вызвавшейся отвезти меня въ Петербургъ, если родные захотятъ взять меня. Толковали и о томъ, что я имѣю право попасть въ институтъ по баллотировкѣ и что только года мои еще не вышли. Я съ нетерпѣніемъ и страхомъ въ одно и тоже время ждала перемѣны въ своей судьбѣ.

Въ одинъ прекрасный день меня торопливо умыли, одѣли и повели къ батюшкѣ.

Тамъ я застала и сердобольную душу. Звали ее Еленой Игнатьевной; это была мелкопомѣстная сосѣдка наша по Томиловкѣ; я узнала ее: она часто приходила къ моей матери и всегда уносила съ собой что то въ разныхъ узелкахъ, что меня тогда очень интриговало. Елена Игнатьевна, не навѣстившая меня ни разу, попыталась заплакать, увидѣвъ меня, стала меня цѣловать и заговорила о томъ, что чѣмъ скорѣе мы поѣдемъ, тѣмъ будетъ лучше. Батюшка объяснилъ мнѣ, что получилъ письмо отъ дяди, Ильи Михайловича, который согласенъ взять меня къ себѣ. Потомъ онъ сдѣлалъ мнѣ краткое наставленіе, гдѣ упомянулъ о моемъ безпомощномъ положеніи и о благодарности, которую я должна чувствовать къ будущимъ моимъ благодѣтелямъ, приславшимъ мнѣ и денегъ на дорогу. Кончилъ старикъ тѣмъ, что погладилъ меня по головѣ и, глубоко вздохнувъ, проговорилъ: „Ахъ ты сирота ты моя бѣдная!“ Я чувствовала себя глубоко несчастной. Вздохи матушки и Елены Игнатьевны довели меня до того, что я расплакалась горчайшимъ образомъ и не могла утѣшиться даже дома за книгой.

На другой день меня начали собирать въ дорогу. Я укладывала въ сундучекъ всѣ свои богатства, игрушки, книги, вещи. Но къ моему величайшему горю явилась Елена Игнатьевна и, перебравъ сундукъ, выкинула „весь этотъ хламъ“, какъ она

выразилась. Я не спорила относительно игрушекъ, но книги со слезами отстояла, тѣмъ болѣе, что за меня вступилась Марья Тимофеевна, видимо враждебно относившаяся къ „нищей однодворкѣ“, какъ она за глаза честила Елену Игнатьевну. Изъ какого то амбара принесены были также хранившіяся тамъ вещи, принадлежавшія моей матери; ихъ стали общими силами разбирать и откладывать то, что могло мнѣ понадобиться. Тутъ между Марьей Тимофеевной и Еленой Игнатьевной произошла чуть не настоящая драка; дѣло окончилось тѣмъ, что послали за батюшкой. Елена Игнатьевна расплакалась, жалуясь ему, что она хотѣла „только примѣрить шалевый платокъ покойницы, а старая хамка ее попрекнула, будто-де она украсть его хочетъ“.

Батюшка сдѣлалъ опись вещамъ и взялся сохранить ихъ до моего совершеннолѣтія. Что касается меня, то я во все время этой ссоры не переставала искать „маминой брошки съ незабудками“ и своими разспросами о ней такъ надоѣла всѣмъ, что батюшка даже постыдилъ меня за это, какъ и за то, что я давеча плакала, о чемъ доложила ему Елена Игнатьевна. Брошку, которую я искала, моя мать очень любила и носила постоянно, поэтому я и дорожила ею. Она тогда такъ и не нашлась.

Когда сборы были окончены, меня нарядили въ ватный салопчикъ, изъ котораго я давно выросла, закутали поверхъ него въ шаль и большой материнскій салопъ и усадили въ широкія пошевни. Управляющій и жена его ласково простились со мною и стояли на крыльцѣ, пока мы не отъѣхали съ полверсты отъ дому. О слезахъ и благословеніяхъ матушки и особенно Марьи Тимофеевны ужъ и говорить нечего. И я плакала; мнѣ было жаль всѣхъ ихъ.

Путешествіе наше мнѣ помнится какъ сонъ. Равномѣрное движеніе саней по ровной, крѣпко укатанной дорогѣ скоро укачало меня, и я заснула. Намъ нужно было ѣхать верстъ сорокъ проселкомъ, а потомъ пересѣсть на желѣзную дорогу. Я проснулась отъ грохота и свиста поѣздовъ. Наступилъ вечеръ. Мы были на станціи. Свѣтъ газовыхъ рожковъ и торопливая хлопотня суетящейся толпы заставили меня какъ то одурѣть. Я уцѣпилась за полу Елены Игнатьевны и бѣжала за нею всюду, куда она торопилась. Елена Игнатьевна была со мною очень ласкова. Она угощала меня, старалась меня занять и вообще отлично разъигрывала роль сердобольной души. Въ вагонѣ третьяго класса, куда мы сѣли, она тотчасъ подружилась съ двумя барынями,

потомъ еще съ одной, потомъ и еще, и всякой новой знакомой разсказывала мою исторію, причемъ всегда выходило какъ то, что она, Елена Игнатьевна, играла въ этой исторіи первостепенную роль благодѣтельницы.

Большую часть дороги я проспала и проснулась только утромъ отъ толчковъ, которыми будила меня моя спутница, приговаривая: „Да вставай, Панночка, вставай же! Пріѣхали въ столицу, понимаешь ли, въ Петербургъ“.

Я попробовала было встать, но не могла; и салопъ и шаль, въ которые я была закутана, мѣшали пошевелиться. Елена Игнатьевна раскутала меня, поставила на ноги, нагрузила частью своихъ безчисленныхъ мѣшечковъ—и мы вышли на свѣтъ Божій. Прошло добрыхъ полчаса, если не больше, пока Елена Игнатьевна выхлопотала нашъ багажъ; но наконецъ все было приведено въ порядокъ и уложено въ извощичью карету, въ которую усѣлись и мы и поѣхали.

Было восемь часовъ утра. Желтовато-грязный, разбитый снѣгъ покрывалъ мостовую Невскаго проспекта, по которому дребезжа плелась наша дряхлая четвероместная колымага. Сѣрое утро бросало на все какой то тусклый полу-свѣтъ. Меня все ужасно занимало: и вывѣски, и крики разносчиковъ, и снующій взадъ и впередъ людъ. Я поминутно вытирала стекло каретнаго окна, запотѣвавшее отъ сырости. Елена Игнатьевна охала и пересчитывала свои узелки.

Вдругъ она обратилась ко мнѣ:

— Не заѣхать ли намъ, Панночка, къ моимъ роднымъ по дорогѣ? И умылись и пріодѣлись бы, право лучше! Только ты тамъ, у дяденьки, не проговорись, неровно не полюбится?

— Какъ хотите, Елена Игнатьевна...

— То то я говорю, приличнѣе бы пообчиститься, а то грязь-грязью къ незнакомымъ людямъ...

Она приподняла раму передняго каретнаго окна и стала крикливо толковать кучеру, чтобы онъ поворачивалъ въ Коломну. Поднялся споръ: извощикъ настаивалъ на прибавкѣ, увѣряя, что конецъ теперь будетъ длиннѣе, чѣмъ на Васильевскій островъ, куда его нанимали. Елена Игнатьевна ругала его мошенникомъ и доказывала, что Коломна ближе. Какъ ужъ они сговорились, не знаю, но мы, къ моему большому горю, свернули съ Невскаго и поѣхали по узкимъ и грязнымъ улицамъ, гдѣ не было ни магазиновъ, ни экипажей. Тѣмъ не менѣе я не переставала

смотрѣть въ окно: интереснаго было все-таки очень много. Наконецъ карета остановилась.

— Ну, пріѣхали, слава Богу! сказала нѣсколько взволнованно Елена Игнатьевна и перекрестилась.

Я едва помню, какъ мы вышли, какъ дворники потащили наши вещи черезъ дворъ и потомъ по грязной, крутой и темной лѣстницѣ на четвертый этажъ и какъ мы ввалились вслѣдъ за вещами, въ темноватую и тѣсную кухню. Яснѣе всего у меня осталось въ памяти, какъ намъ навстрѣчу выбѣжала, ахая, кругленькая сѣдая старушка. Это была сестра Елены Игнатьевны, Анна Игнатьевна. Я съ радостью узнала ее; она часто гащивала по цѣлымъ недѣлямъ у моей матери и всегда очень баловала меня. Обѣ сестры стали ужасно скоро говорить и цѣловаться, обѣ ахали и качали головами.

Анна Игнатьевна горячо расцѣловала меня и при этомъ расплакалась. Послѣ первыхъ привѣтствій Елена Игнатьевна пошла переодѣться. Меня тоже увели въ спальню, раздѣли, умыли и принарядили, пока кухарка, чухонка, готовила самоваръ; когда онъ былъ поданъ на столъ, меня начали поить чаемъ со сливками и угощать маленькими румяными, мягкими, сдобными булочками, лучше которыхъ, по моему, ничего и на свѣтѣ не было.

Когда я кончила пить чай и осмотрѣлась, мнѣ очень понравилось у Анны Игнатьевны. У ней были чистенькія маленькія комнатки; на окнахъ висѣли бѣлыя какъ снѣгъ занавѣски и стоялъ цѣлый лѣсъ гераніевъ и бальзаминовъ. Мебели вездѣ было нагромождено видимо-невидимо, нигдѣ кажется не оставалось вершка впустѣ; по стѣнамъ чуть не въ сплошную лѣпились фотографическія карточки, литографіи въ рамкахъ и безъ рамокъ и даже картинки съ конфетъ; съ потолка спускалась небольшая люстра, закутанная въ марле отъ пыли и будущихъ мухъ. Кресла и стулья тоже были подъ бѣлыми чехлами, комоды-же и столы застланы вязанными салфетками. Около оконъ висѣли клѣтки съ разными птицами, не перестававшими щебетать и чирикать. Какъ разъ противъ средины одного изъ оконъ стоялъ садокъ съ канарейками, которыя принялись такъ неистово заливаться подъ скороговорку обѣихъ сестеръ, что ихъ завѣсили большимъ темнымъ платкомъ: „онѣ подумаютъ, что ночь, и замолчатъ“, объяснила мнѣ Анна Игнатьевна.

Все мнѣ тутъ очень нравилось, все было такое уютное и жилое. Я съ любопытствомъ и какимъ то чрезвычайно пріятнымъ

чувствомъ внутренняго довольства и успокоенія разсматривала незнакомую мнѣ обстановку — вдругъ изъ угла раздалось такое зловѣщее шипѣніе, что я невольно прижалась къ Аннѣ Игнатьевнѣ, около которой усѣлась, чувствуя къ ней больше довѣрія, нежели къ моей спутницѣ и покровительницѣ.

— Ахъ, что это такъ страшно шипитъ? прошептала я.

Въ эту минуту раздался бой стѣнныхъ часовъ мѣрно, съ разстановкой. Я насчитала двѣнадцать ударовъ. Анна Игнатьевна разсмѣялась.

— Это часы, сказала она:—они вотъ немножко охрипли отъ старости, а ничего, время показываютъ хорошо! Старые часы, еще моего покойнаго свекра, вотъ мы съ Иваномъ Ивановичемъ и бережемъ ихъ...

— Ай, да и засидѣлись мы! заохала Елена Игнатьевна:— пора, пора къ генералу; сбирайся, Панночка!

Мы принялись сбираться. Анна Игнатьевна такъ ласково расцѣловала меня на прощанье, что я чуть не расплакалась изъ-за того, что приходится уходить отъ нея; я обняла ее за шею и прошептала ей на ухо:

— Милая Анна Игнатьевна, вы придете ко мнѣ туда?

— Ахъ ты, моя голубочка, приду — какъ не придти! Непремѣнно приду... Ишь, ласковая какая... сироточка ты моя, бѣдная!

— И мнѣ можно будетъ ходить къ вамъ?

— Ну, этого не знаю... Мы-то съ Иваномъ Иванычемъ всѣмъ сердцемъ-бы рады, а только тамъ-то отпустятъ-ли? Ну, да на все Господь, авось и пустятъ... худому чему, мы вѣдь тебя учить не станемъ...

Анна Игнатьевна проводила насъ до улицы, сама усадила на извощика, при себѣ велѣла уложить на другаго мой сундучекъ и потомъ все время стояла въ воротахъ, пока мы не скрылись у ней съ глазъ.

— Какая Анна Игнатьевна добрая!... твердила я, пока извощичья кляча мелкой трусцой везла насъ по направленію къ Васильевскому острову.

— Чего ей не быть доброй... какъ-то обидчиво отвѣчала Елена Игнатьевна:—никакой нужды она не знаетъ—всего полная чаша, есть мужъ, кормилецъ и заступникъ... Чего тутъ доброй не быть...

— А придетъ она ко мнѣ?

— Отчего и не придти? Развѣ у ней какая работа спѣшная на рукахъ? И въ домѣ все чухонка состряпаетъ и приберетъ... Уйдетъ мужъ на цѣлый день до вечера въ должность, а Анна Игнатьевна гуляй себѣ куда хочешь...

Елена Игнатьевна отвѣчала мнѣ хотя и словоохотливо, но такъ неласково, что я не рѣшилась продолжать разспросовъ, хотя мнѣ очень хотѣлось узнать такой-ли же добрый мужъ Анны Игнатьевны, какъ она сама, и есть-ли у нихъ дѣти, и многое другое. Замолчавъ я принялась раздумывать такой-ли домъ у дяденьки и тетеньки, какъ у Анны Игатьевны, и есть-ли тамъ цвѣты и птицы, и даютъ-ли тамъ такія-же вкусныя булочки, и добрые-ли дяденька и тетенька, и большіе-ли или маленькіе мои троюродные братья и сестры?... Я знала, что у дяди есть двѣ дѣвочки и два мальчика, но не знала ни именъ, ни лѣтъ ихъ и Елена Игнатьевна не могла мнѣ ничего сообщить объ этомъ.

III.

Между тѣмъ мы давно переѣхали Николаевскій мостъ и повернули на лѣво по набережной. Тутъ снѣгъ былъ не такъ грязенъ, какъ въ городѣ, и я этому почему-то очень обрадовалась. Меня очень заняли мачты судовъ, зазимовавшихъ въ Невѣ; Елена Игнатьевна объяснила мнѣ, что мы ѣдемъ вдоль Невы. Наконецъ мы повернули въ какую-то короткую и широкую улицу и остановились у воротъ очень большаго и красиваго зданія. Съ извощиками и тутъ не обошлось безъ спору; особенно долго бранилась Елена Игнатьевна съ тѣмъ, который везъ мои вещи: онъ ни за что не хотѣлъ нести ихъ въ домъ безъ прибавки къ договоренной цѣнѣ. Споръ кончился тѣмъ, что прибѣжали какіе-то люди—какъ мнѣ показалось, солдаты—схватили мой сундучекъ и узелки и понесли ихъ во дворъ, послѣ того, какъ Елена Игнатьевна сказала имъ, что мы пріѣхали къ генералу Медвѣдеву.

Мы пошли вслѣдъ за ними и очутились на широкомъ и чистомъ дворѣ, потомъ вошли на крытый стеклянный подъѣздъ и поднялись въ первый этажъ по обитой ковромъ лѣстницѣ. Все мнѣ и тутъ очень нравилось: чисто, свѣтло, тепло даже на лѣстницѣ. Держась за полу Елены Игнатьевны я вошла въ переднюю; въ ней было полу-темно: я различала только большое зер-

кало напротивъ входныхъ стеклянныхъ дверей и удивлялась, что его повѣсили въ такой комнатѣ, гдѣ стоятъ вѣшалки для платья... я видѣла такія высокія, красивыя зеркала только въ „большомъ домѣ“ въ имѣніи Брянскаго, да и то въ однѣхъ залахъ и гостинныхъ. Но мнѣ не долго пришлось удивляться и размышлять: намъ на встрѣчу изъ дверей на лѣво выбѣжала какая-то женщина, а изъ другой двери вправо вышелъ высокій человѣкъ во фракѣ и оба принялись насъ раздѣвать. Женщина, раздѣвавшая меня, обратилась къ Еленѣ Игнатьевнѣ:

— Это вы, сударыня, къ намъ маленькую барышню Медвѣдеву привозили-съ?

— Да, милая, да! какъ-то конфузясь, отвѣчала Елена Игнатьевна, вѣроятно не зная, какъ ей говорить — на „вы“ или на „ты“ — съ особой, одѣтой гораздо лучше нея, но обращавшейся къ ней съ словомъ „сударыня“.

— Да, милая, хлопотъ-то, хлопотъ что было!

— Какъ не быть, какъ не быть.... триста верстъ вѣдь!... Вы по машинѣ-съ?

— Да, слава Богу, хоть это... а то-бы, не дай Господи!

Въ эту минуту отворилась еще третья дверь: струя свѣта хлынула въ прихожую и въ дверяхъ столпилось нѣсколько человѣкъ дѣтей.

— Петя, смотри... тсъ!

— Оля, Катя, не толкайтесь...

— А ты, Сашка, не щипайся... вотъ я мамà скажу!

— Я не щипаюсь — я самъ мамà скажу!

— Fermez la porte... Mais fermez donc cette porte, vous dis-je! раздался рѣзкій сопрано взрослой женщины.

— Mamselle Aline, c'est la petite de la campagne! въ четыре голоса.

За дѣтьми появилась высокая женская фигура — дверь съ размаху захлопнулась и прихожая опять потемнѣла.

— Пожалуйте сюда, сударыня! говорила между тѣмъ раздѣвшая меня женщина: — ихъ превосходительство приказали провести васъ въ чайную... онѣ сами сейчасъ къ вамъ туда выйдутъ-съ.

Насъ повели черезъ темный корридоръ, потомъ черезъ длинную столовую съ красными обоями и большимъ дубовымъ столомъ посрединѣ и ввели въ небольшую комнату, обставленную высокими, узкими, дубовыми этажерками, на которыхъ стояла се-

ребряная посуда. Тутъ тоже былъ по срединѣ круглый столъ, а вдоль стѣнъ красивые, рѣзные стулья.

Когда мы вошли въ чайную, тамъ никого не было, но черезъ минуту приподнялась портьера и изъ внутреннихъ комнатъ вышла высокая, полная „дама“ въ темномъ, суконномъ платьѣ. Елена Игнатьевна присѣла передъ ней и шепнула мнѣ:

— Поцѣлуй у тетеньки ручку!

— Здравствуйте... Елена Ивановна... кажется?

— Игнатьевна-съ, ваше превосходительство!

— Да, Елена Игнатьевна—ну все равно... А это Паша Медвѣдова? Она протянула мнѣ руку, которую я, при подталкиваніяхъ Елены Игнатьевны и словахъ:—Да цѣлуй-же у тетеньки-генеральши ручку!—поцѣловала, за что получила отвѣтный поцѣлуй въ воздухѣ надъ моею головою.

— Да-съ, лепетала между тѣмъ Елена Игнатьевна, начинавшая нѣсколько теряться, видя, что ее сѣсть не приглашаютъ: —вотъ, привезла-съ, хлопотъ-то, хлопотъ что было-съ...

Взоръ генеральши, до-сихъ-поръ скользившій гдѣ-то поверху, надъ нами, и разъ только опустившійся на меня, устремился холодно и какъ будто удивленно на мою спутницу.

— Вамъ развѣ не хватило денегъ?

— Ахъ, какъ можно-съ! Да-съ, даже на возвратный есть-съ...

— Вамъ съ тѣмъ и посылали.

— Я очень благодарна-съ, ваше превосходительство...

— Хорошо, хорошо... не нужно... Ну, что, какъ отецъ Иванъ?

— Ахъ, извините-съ, ваше превосходительство, чуть не забыла... вотъ-съ письмо....

Генеральша молча взяла письмо и начала читать его, взглядывая по временамъ на меня. Сядьте! сказана она, точно вспомнивъ что-то. Мы сѣли. Дочитавъ письмо она обратилась ко мнѣ:

— Ты будешь пока жить у насъ. Я надѣюсь, Елена Игнатьевна, что она здорова и что особенно дурныхъ привычекъ у ней нѣтъ? Отецъ Иванъ не пишетъ мнѣ ни о здоровьѣ, ни о характерѣ ея никакихъ подробностей...

Говоря это, генеральша какъ-то брезгливо посмотрѣла и на меня и на Елену Игнатьевну, точно досадуя, что ей приходится обращаться съ подобнымъ, отчасти конфиденціальнымъ вопросомъ къ такой ничтожной особѣ, какъ моя спутница.

— Какъ-же-съ, здорова! отвѣчала та:—а на счетъ характера и привычекъ не знаю-съ... ничего такого не примѣчала я, пока

была Пашенька со мною... Конечно, въ деревнѣ между мужиками не много чему хорошему научишься.

Елена Игнатьевна замялась, не зная, что сказать. Лицо ея приняло странное выраженіе—я его очень хорошо запомнила; также какъ и лицо тетки и весь этотъ разговоръ, который во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ, сталъ мнѣ понятенъ только впослѣдствіи, когда я вообще начала больше понимать и людей и ихъ душевныя движенія. Итакъ Елена Игнатьевна не знала, какъ ей быть, и заминалась. Ей прежде всего хотѣлось угодить генеральшѣ... а какъ это сдѣлать—похвалой или порицаніемъ? Богъ его вѣдь знаетъ, чего ея превосходительству нужно-то... не особенно, вишь, ласково смотритъ она на мужнину племянницу, да еще и не родную... И въ тоже время какъ порицать? Все-жъ-таки своя имъ эта дѣвчонка: какъ худо скажешь, можетъ и ногъ отсюда не вынесешь, а вѣдь генеральша можетъ еще и пригодиться.... и вообще, какъ это не послужить такой важной дамѣ.

Елена Игнатьевна молчала.

— Что же вы молчите? Развѣ слышали что-нибудь объ ней отъ отца Ивана такое, чего сказать не рѣшаетесь? Отецъ Иванъ давно ихъ всѣхъ знаетъ: ему извѣстно, что она за дѣвочка... Она у него вѣдь жила?

— Нѣтъ-съ, не у батюшки, а въ усадьбѣ-съ, подъ началомъ у старой хамки... злобно проговорила Елена Игнатьевна, не могшая забыть своей ссоры съ Марьей Тимофеевной.

— Ну, вотъ видите... это очень непріятно! замѣтила генеральша, видимо недовольная вырвавшимся у Елены Игнатьевны „вульгарнымъ“ выраженіемъ; „хамка“.—„Она навѣрно бѣгала все время съ дворовыми дѣвченками и Богъ знаетъ чему могла у нихъ научиться: лгать, обманывать... даже воровать!.. Страшно сказать, какъ прислуга можетъ испортить нравственность дѣтей“.

До сихъ поръ я конфузилась и не смѣла взглянуть на тетку—теперь я съ удивленіемъ и обидой подняла глаза; неужели это она про меня спрашиваетъ не лгунья, не обманщица, не воровка ли я! Я уставилась ей прямо въ лицо: оно было здоровое, бѣлое, румяное, носъ прямой, губы полныя, глаза сѣрые и неподвижные; волосы были темные и гладко спускались на высокій, выпуклый лобъ. Лицо это нельзя было назвать некрасивымъ, но я далеко съ большимъ удовольствіемъ глядѣла давеча на пухлое и морщинистое лицо Анны Игнатьевны, на ея сѣдой крысиный хвостикъ, свернутый колечкомъ на затылкѣ, на ея носъ — пу-

говку и черные, маленькіе живые глазки, въ которыхъ я примѣтила двѣ блестящія слезки, когда она ласково прощалась со мною.

— Говорите, пожалуйста, не скрывайте ничего!.. Что такое вы знаете? нетерпѣливо допрашивала тетка Елену Игнатьевну.

Та не сразу отвѣтила; она откашлялась и вздохнула; можетъ быть у ней даже шевельнулось чувство жалости къ сиротѣ, о которой она, не клевеща, и не могла сказать ничего дурнаго, такъ какъ ничего нехорошаго и не знала обо мнѣ, кромѣ развѣ того, что я поплакала, когда она выбросила изъ дорожнаго сундучка мои любимыя вещи. Но вдругъ я, нежданно-негаданно, сама навлекла на себя бѣду. Нужно сказать, что мнѣ отъ всѣхъ этихъ допросовъ сдѣлалось очень страшно... А, ну, какъ Елена Игнатьевна разскажетъ теткѣ про мои слезы и про то, какъ стыдилъ меня батюшка... и всѣ тутъ узнаютъ, что я бываю нехорошей, капризной, злой дѣвочкой!... Я съ мольбой взглянула на свою спутницу и вдругъ увидѣла на ней неотысканную брошку съ незабудками... Мысли мои ребячески быстро перескочили отъ занимавшаго меня теперь вопроса къ этой несчастной брошкѣ и я крикнула:

— Елена Игнатьевна, такъ это значитъ вы мамину брошку взяли?

Невозможно описать того, что произошло съ сердобольной душой. Она поблѣднѣла, потомъ покраснѣла, потомъ заплакала, но наконецъ нашлась и быстро заговорила, обращаясь къ теткѣ, которая съ удивленіемъ подняла брови и холодно и молча смотрѣла попеременно то на Елену Игнатьевну, то на меня

— Вотъ-съ, ваше превосходительство, хотѣла смолчать, да не могу-съ! какое ехидство ужъ въ ребенкѣ-съ!.. И замѣчала вѣдь, давно замѣчала... Еще какъ покойница мамаша ихняя умерла— подносила я ее къ мамашѣ проститься—такъ вѣдь на зло какой крикъ подняла! Реветъ, что есть мочи, рвется! Меня до крови укусила — ей Богу не лгу-съ! Я ее еще тогда поругала: Бога ты, говорю, Панночка, не боишься! Дай матери хоть спокойно помереть-то... А ей что? Она знай себѣ благимъ матомъ! Это чтобы хоть когда слово правды отъ нея услыхать?.. Никогда-съ! Такая фальшивая — и не приведи Господи!.. Вотъ хоть бы теперь съ брошкой этой... вѣдь ехидство одно! Я, дескать, ихнюю брошку подобрала... украла значитъ!.. Брошка ихняя—это точно-съ... да развѣ я скрываю? Она же, она сама вѣдь сегодня

утромъ еще, какъ просила-то меня: „надѣньте, да надѣньте брошку, милая Елена Игнатьевна“... а теперь вотъ какъ при вашемъ превосходительствѣ оконфузила! Да то ли еще было...

— Неправда, неправда! заплакавъ, крикнула я.

Ни мои слезы и слова, ни вполнѣ ледяное выраженіе лица растетки не остановили Елены Игнатьевны. Она продолжала расписывать меня: въ перемежку съ исторіей какого то сахару, котораго она не доискивалась и который, по ея словамъ, былъ съѣденъ мною, шелъ перечень будто бы надѣланныхъ мною ей въ дорогѣ дерзостей, моего упрямства при укладкѣ вещей, моей дружбы съ деревенскими дѣтьми, у которыхъ я научилась лгать, обманывать, воровать... Наконецъ начались недоговоренные намеки на что то, чего ужъ я была не въ состояніи и понять...

Сначала я, плача, твердила; неправда, неправда! но потомъ замолчала. Меня точно подавило чувство незаслуженнаго оскорбленія — въ первый разъ въ жизни и точно острыми когтями вцѣпившееся мнѣ въ сердце. Не много видѣла я радости послѣ смерти матери и отъѣзда отца; но меня не обижалъ никто; мое одиночество и сиротство возбуждали въ простыхъ деревенскихъ людяхъ сожалѣніе, выражавшееся лаской. Я была мечтательнымъ и молчаливымъ ребенкомъ: шалостей за мной водилось мало — поэтому не было и столкновеній, которыя вели бы за собою порицанія и наказанія. Я не лгала и не обманывала, потому во первыхъ, что не „боялась“, — во вторыхъ и потому, что у меня былъ уже свой маленькій кодексъ нравственности, вычитанный отчасти изъ книгъ, подаренныхъ мнѣ отцемъ, отчасти вынесенный изъ поученій сначала отца и няни, а потомъ батюшки. Украсть что нибудь я считала „непрощенымъ грѣхомъ“, за который можно лишиться царствія небеснаго — а я была по дѣтски горячо религіозна. Смертными грѣхами казались мнѣ также ложь и обманъ.

Елена Игнатьевна еще говорила, но я давно молчала; губы мои тряслись, глаза были сухи; меня душило больное и нехорошее чувство, закипѣвшее во мнѣ послѣ ощущенія обиды—чувство, которому я въ то время не могла бы подъискать названія, потому, что никогда еще не испытывала—гнѣва.

Елена Игнатьевна такъ быстро говорила, что наконецъ закашлялась и замолчала. Дрожащими отъ возбужденія руками она сняла злополучную брошку, которую надѣла, желая принарядиться къ генеральшѣ и не ожидая, что я ее узнаю — ребе-

нокъ, молъ, гдѣ все помнить!—Она положила ее на столъ со словами:

— Мнѣ чужаго не нужно.. не такъ, какъ нѣкоторымъ!

— Однако довольно! сухо остановила ее тетка; вы теперь можете идти!

Елена Игнатьевна опять присѣла и затѣмъ ушла.

Какъ только она вышла, я горько и неудержимо заплакала и бросилась къ теткѣ со словами:

— Тетя, вѣдь вы не вѣрите этой злой, гадкой...

— Тсъ-тсъ... перестань! перебила меня генеральша: отъ тебя самой будетъ зависѣть повѣрю я ей или нѣтъ: будь послушна, говори всегда правду, не трогай чужаго—и ты будешь хорошая дѣвочка!

— И вы будете любить меня? я прижалась къ ея суконному платью, не смѣя взять ее за руку. Мнѣ страстно хотѣлось, чтобы она приласкала меня: мнѣ такъ нужно было утѣшеніе.

Тетка улыбнулась, но даже и по головѣ меня не погладила.

— Любовь нужно заслужить... нѣсколько менѣе сухо отвѣчала она: а теперь перестань плакать — не изъ-за чего! Никто тебя больше не бранитъ и бранить не будетъ, если ты сама ничего дурнаго дѣлать не будешь".

Все это говорилось вполнѣ безстрастно и какъ то съ высоты, издалека, но желанія обидѣть или унизить меня не было. Я за минуту передъ тѣмъ была настолько горько оскорблена, что и въ холодныхъ словахъ тетки для меня прозвучало утѣшеніе и я утерла глаза.

Тогда генеральша позвонила и приказала вошедшей горничной позвать сюда дѣтей и M-elle Aline;—черезъ минуту въ комнату чинно вошли гувернантка и дѣти.

Ихъ было четверо: всѣ они были бѣлолицы, круглолицы, толсты и довольно рослы. M-elle Aline была худощавая особа лѣтъ двадцати-пяти; когда я въ первый разъ на нее взглянула, она показалась мнѣ очень некрасивой; потомъ однако я даже полюбила ея лицо.

Тетка познакомила меня со своими дѣтьми слѣдующими словами: „Дѣти, вотъ ваша кузина Медвѣдева, она сирота и бѣдная и будетъ пока жить съ нами".

Я подивилась на круглолицыхъ кузеновъ и кузинъ, на некрасивую M-elle Алину, но болѣе всего была занята произнесеннымъ опять теткою словомъ „пока" и думала: куда же они меня по-

томъ дѣнутъ, когда пройдетъ то время, которое тетя, называетъ „пока?“ Отчего мнѣ прямо не скажутъ, куда меня дѣнутъ?.. Отецъ Иванъ говорилъ, что меня въ институтъ отдать хотятъ... отчего тетя такъ прямо и не скажетъ?

Дѣти, между тѣмъ, столпились въ кучку и уставились на меня; потомъ они меня окружили, шепчась другъ съ другомъ и наконецъ рѣшились заговорить со мною. Тетушка разговаривала въ полголоса съ M-elle Алиной.

— Какъ васъ зовутъ? спросила старшая дѣвочка.

— Панночка! отвѣчала я.

— Панночка? Какое смѣшное имя? Это что же значитъ? Меня зовутъ Катя — это значитъ: Екатерина!.. Ну, а что такое значитъ: Панночка?

— Прасковья! сказала я.

— Ой! ай! завопили всѣ четверо сразу, заливаясь смѣхомъ, а меньшая дѣвочка прибавила: „Прасковья — такъ только горничныхъ зовутъ, ну, да вы бѣдная! Это вѣрно оттого васъ такъ и зовутъ, какъ у мужиковъ... мужики тоже бѣдные...“

— И гадкіе! дѣлая удареніе на словѣ: „гадкіе“ проговорилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Значитъ у васъ нѣтъ своей деревни? спросилъ другой мальчикъ.

— Да развѣ деревни у бѣдныхъ бываютъ?.. Какой ты глупый, Саша! воскликнулъ первый мальчикъ: „конечно у нея нѣтъ!“

— Не бранись, Петька, мужикъ!

— А вотъ у нашего папы есть по деревнѣ для каждаго изъ насъ... сказалъ Петя, не обращая вниманія на брань Саши.

— Отчего у васъ такое гадкое платье: ситцевое, линючее? спрашивала Катя.

— Отчего у васъ такіе толстые чулки? пищалъ Саша, щипля меня за ноги.

— Вы вѣрно не знаете ни читать, ни писать... бѣдные ничего не знаютъ, они глупые!..

— Вы у насъ всему выучитесь; мы вѣдь не мужики и не бѣдные! великодушно замѣтила Катя.

— Пойдемте въ дѣтскую: мы вамъ покажемъ наши игрушки, у насъ много! Онѣ намъ уже надоѣли, мы даже не играемъ въ нихъ больше... мы ихъ вамъ подаримъ...

У меня кружилась голова отъ всей это болтовни; я молча слушала дѣтей; впрочемъ они отвѣтовъ и не требовали, а схва-

тили меня за руки и потащили было за собою, но тутъ вмѣшалась тетка:

— Дѣти, дѣти, оставьте ее: вы ее совсѣмъ затормошили. Она позвонила. „Аннушка, возьми дѣтей въ дѣтскую!“ приказала она явившейся на звонокъ женщинѣ, той самой, которая меня раздѣвала, это была няня дѣтей. „А ты“, обратилась тетка ко мнѣ: „останься тутъ съ нами—наиграетесь еще послѣ“.

Тетушка, M-elle Алина и я остались въ чайной втроемъ.

— Сядь тамъ у окна, Полина,—да не голодна ли ты?

Я не отвѣтила, а только оглянулась, чтобы посмотрѣть на Полину, которую спрашиваютъ не голодна ли она; я никакъ не думала, что вопросъ сдѣланъ мнѣ.

— Я спрашиваю, не голодна ли ты? нѣсколько нетерпѣливо переспросила генеральша, смотря прямо на меня.

Я поняла, что „Полина“ это я, и отвѣчала, что не голодна.

— Мы обѣдаемъ въ пять часовъ и уже отзавтракали—смотри не проголодайся?

Я сѣла у окна и стала смотрѣть на широкую улицу съ рѣдкими прохожими. Я горько задумалась. Чѣмъ то ужасно чужимъ вѣяло отъ всей этой новой обстановки, даже сама я казалась себѣ чужой: я уже не Паша, не Панночка, не Паня, а Полина какая-то.

Сначала я не обращала вниманія на разговоръ тетушки съ Алиной, ведшійся въ полголоса и по французски; но когда они заговорили громко и до моего слуха донеслись мое имя и имя Елены Игнатьевны, я стала вслушиваться. Тетушка кончала разсказывать сцену съ моей спутницей, выражая свое отвращеніе къ ея вульгарности и сожалѣя, что меня поручили привезти именно ей.

— Я конечно, думаю, что она много преувеличила по отношенію къ Полинѣ, добавила она: „Она должно быть, очень дрянная и грубая особа, но во всякомъ случаѣ осторожность не мѣшаетъ—вы понимаете, что Полину нельзя сразу сдѣлать подругой дѣтей: она могла бы имѣть очень дурное вліяніе на нихъ... Я попрошу васъ зорко слѣдить за ней, особенно въ первое время, и никогда не оставлять ее одну съ дѣтьми. Я всегда была противъ того, чтобы брать ее въ домъ — развѣ мало пріютовъ и пансіоновъ? — Но Илья Михайловичъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ... Года черезъ два дѣвочка поступаетъ въ институтъ— до тѣхъ поръ надо мириться съ тѣмъ, чего нельзя избѣжать...“

Я тогда не все поняла изъ говореннаго теткой, но мнѣ было ясно, что меня считаютъ дурной, вредной — значитъ, что ни говори, а повѣрили Еленѣ Игнатьевнѣ... Меня хотятъ отдѣлить отъ дѣтей, тетушка не рада, что я въ ея домѣ...

Мнѣ было очень тяжело.

M-elle Алина, молча слушавшая рѣчь генеральши, заговорила, когда та окончательно замолчала.

— Дѣвочка будетъ учиться вмѣстѣ съ дѣтьми?

— Да, конечно! Но я думаю, что она ничего не знаетъ и врядъ ли даже по русски умѣетъ читать и писать; отвѣчала тетушка и затѣмъ прибавила по русски: „Полина, подойди сюда“. Она поманила меня къ себѣ рукой; я встала и подошла робко, боязливо... ахъ, какъ и это незнакомое чувство боязни было больно!

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Десятый годъ! отвѣчала я вполголоса и потупилась. Тетушка подняла мой подбородокъ пальцемъ и замѣтила:

— Не держи головы такъ—это только деревенскія дѣвочки дѣлаютъ. Не нужно тоже говорить: десятый годъ, гораздо проще сказать: девять лѣтъ.

— Девять лѣтъ, покорно повторила я.

— Какая она маленькая для своихъ лѣтъ! сказала генеральша, обращаясь къ Алинѣ. „Ты училась чему нибудь?“

— Да, отвѣчала я: я училась читать и писать по русски и по французски, священной исторіи, географіи, и четыре правила, и...

— Вотъ какъ! Tu comprends donc le français?

— Mais oui, ma tante!

— Tiens, tiens! вырвалось у M-lle Алины.

Я взглянула на нее: темные глаза ея смотрѣли чуть-чуть насмѣшливо и тепло, очень тепло; я невольно схватила ее за руку—это былъ первый ласковый взглядъ, который упалъ на меня въ этомъ домѣ.

— Tant mieux, tant mieux! говорила между тѣмъ генеральша и по лицу ея пробѣжала точно тѣнь неудовольствія: Такъ ты и священной исторіи, и географіи, и ариѳметикѣ училась... кто-же тебя училъ?

— Сначала папа, а потомъ отецъ Иванъ и Надежда Петровна, жена управляющаго.

— Вотъ какъ! Ну, это хорошо, хорошо!...

— J'espère que nous allons être bonnes amies! обратилась ко мнѣ M-lle Алина.

— O, oui, Mademoiselle!“ отвѣчала я съ судорожнымъ и глубокимъ вздохомъ облегченія.

— Идите теперь къ дѣтямъ,“—сказала генеральша вставая: „я не люблю, чтобы они долго были одни съ нянькою—она, что ей ни говори, набиваетъ имъ голову всякимъ вздоромъ: сказками, предразсудками... Да, вотъ что, Полина, никогда ничего не разсказывай дѣтямъ изъ того, что ты могла видѣть и слышать... я это запрещаю, слышишь! Vous veillerez, mademoiselle, à ce que Pauline ne raconte rien aux enfants, rien, au grand jamais!... Elle a pu voir et entendre tant de choses vulgaires... Идите!“

M-lle Aline увела меня въ дѣтскую. Тутъ опять посыпались вопросы о томъ почему у меня грубые башмаки, почему волосы мои заплетены въ двѣ косы и положены вокругъ головы, какъ у горничной дѣвчонки, Лушки, и т. д., и т. д. Потомъ мнѣ показывали игрушки, потомъ картинки и книги, выражая при этомъ увѣренность, что я никогда ничего подобнаго не видѣла. У меня опять закружилась голова, какъ отъ дѣтской возни и шуму, такъ и отъ голода: я съ утра ничего не ѣла, кромѣ булочекъ съ чаемъ у Анны Игнатьевны. Сначала меня очень мучила пустота желудка, потомъ чувство голода прошло и я ощущала только необыкновенную слабость и совершенно безучастно относилась къ тому, что вокругъ меня происходило.

Въ шесть часовъ насъ позвали къ обѣду. Книжки и игрушки были отброшены въ сторону и оставлены въ безпорядкѣ, несмотря на увѣщанія M-lle Aline, на которыя дѣти отвѣчали нетерпѣливо, что няня приберетъ. Насъ повели въ столовую, предварительно вымывъ намъ руки и пригладивъ волосы. Въ домѣ Медвѣдевыхъ дѣти всегда обѣдали съ большими, даже при гостяхъ.—Въ столовой, ярко блиставшей огнями, серебромъ и бѣлоснѣжнымъ столовымъ бѣльемъ, мы застали дядю. Тетушка подвела меня къ нему, говоря: „Вотъ Полина—ее сегодня привезли.“—Дядя, сѣдой господинъ въ генеральскомъ мундирѣ, сначала довольно разсѣянно взглянулъ на меня, но потомъ нагнулся и поцѣловалъ меня въ лобъ, говоря: „Ахъ ты деревенскій барсучекъ... да какая ты маленькая и блѣдненькая!... Ну, мы тебя тутъ раскормимъ: такая-же станешь толстуха, какъ мои крѣпыши... Ну, что, нравится тебѣ у насъ?“

— Да, дядя! солгала я впервые, не смѣя сказать: „нѣтъ“.

— Ну, вотъ и хорошо! Будь только умница, кушай хорошенько, рости, толстѣй... и мы будемъ тебя любить!“

— Да, дядя! повторила я.

Послѣ этого всѣ сѣли за столъ и дядя не обращалъ на меня больше никакого вниманія.

Обѣдъ длился часа полтора. Я ужасно устала. Ѣсть я почти не могла и только удивлялась количеству съѣстнаго, поглощаемаго дядей и вообще всей семьей—оно было по истинѣ изумительно. Послѣ обѣда насъ свели на полчаса въ гостинную, куда подали десертъ. Мнѣ дали апельсинъ; я зажала его въ руку, сѣла въ дальнемъ углу на кресло и заснула безмятежнымъ сномъ.

Я проснулась только на другое утро, въ постели, около которой стояла няня, Аннушка, будившая меня со словами:

— Вставайте, барышня, поздно!

Я вскочила и стала одѣваться.

— Нѣтъ, нѣтъ, погодите! заговорила Аннушка: Генеральша приказали васъ сначала въ ваннѣ вымыть.

Я отправилась за Аннушкой въ ванну, которая имѣлась въ большомъ и роскошномъ помѣщеніи дяди. Аннушка почему-то особенно тщательно мылила мою голову,—мыло щипало мнѣ глаза, и я охала, на что няня возражала:

— „Ничего, ничего, сударыня—мыться надо! Упаси Господи чего изъ деревни привезть могли-съ—недолго и на нашихъ дѣтей перейдетъ... срамоты одной что было-бы..., а вѣдь наши дѣти—генеральскія, не какія нибудь безпомѣстныя!“

По окончаніи мытья и пока я еще дрожала въ рубашонкѣ и юбкѣ, Аннушка такъ-же тщательно, какъ мылила, такъ стала и вычесывать мою голову, зорко разсматривая гребень у окна.

— „Нѣтъ, должно быть нѣту... эки чудеса! А нужно-бы быть... какъ не быть, когда ребенокъ безъ призору растетъ!... а нѣту... Ну, оно и лучше, что говорить... Нѣту и заботы меньше...“

— Да чего вы ищите, няня? спросила я наконецъ, въ высшей степени заинтригованная всѣмъ этимъ.

— Чего? Временно-обязанныхъ, барышня!.. Она засмѣялась: „Нѣту ихъ у васъ въ деревнѣ, думала не найдутся ли хоть въ головкѣ-съ... Ну, нѣтъ и тутъ“.

— Чего? приставала я.

— Чего, да чего? — Вшей! нетерпѣливо огрызнулась она, раздраженная моими разспросами.

Этотъ отвѣтъ и грубо рѣзкій тонъ его такъ поразили меня, что я ничего не нашлась сказать, но крѣпко обидѣлась и двѣ слезы выкатились изъ моихъ глазъ.

— Нечего плакать, сударыня, не въ обиду было сказано... хоть тетенькѣ жальтесь, я не боюсь — я дѣтей берегу, а такъ мнѣ все равно, что про меня ни говори... я вѣдь тутъ не изъ милости, а дѣло свое дѣлаю.

Я ничего не отвѣчала и молча одѣвалась. Меня сильно удивило, когда вмѣсто моего платья Аннушка подала мнѣ чужое.

— Это не мое платье, замѣтила я.

— Извѣстно не ваше, а дѣтское, старенькое; не вамъ бы его и донашивать, а моей племянницѣ, Машенькѣ... ну, да теперь вамъ, видно, старыя дѣтскія вещи идти будутъ... И что это вздумалось господамъ? Отдали бы въ пріютъ, али анститутъ... а то своихъ точно мало дѣтей, еще изъ милости и чужихъ нищихъ набираютъ.

Послѣднее ворчалось про себя, но такъ, что я слышала, и капля за каплей въ душу мою проникла новая горечь: я нищая, я взята изъ милости, мнѣ будутъ давать обноски, которые шли няниной племянницѣ... Въ послѣднемъ отношеніи я, однако ошиблась: мнѣ вскорѣ нашили платьевъ собственно для меня. Медвѣдевы не были скупы, и на одежду и пищу мнѣ во время житья у нихъ жаловаться не приходится.

IV.

По разсказанной выше встрѣчѣ моей съ родственниками и первымъ суткамъ, проведеннымъ мною въ ихъ домѣ, по отношенію ко мнѣ семьи и няни можно предугадать, чѣмъ была жизнь моя у Медвѣдевыхъ. Обижала меня въ собственномъ смыслѣ слова только няня: она досадовала на лишнюю работу, которую для нея принесъ съ собою мой пріѣздъ, и ревновала за дѣтей, воображая, что мое присутствіе въ домѣ лишаетъ ихъ чего-то. Она не пропускала случая упрекнуть меня моимъ нищенствомъ и милостью господъ, и дѣлала это нисколько не стѣсняясь, громко, убѣдившись, что я никому на нее не хочу жаловаться. Дядя точно не замѣчалъ меня; если-же я подвертывалась ему, такъ

сказать, подъ руку, то онъ гладилъ меня по головѣ и произносилъ что-нибудь въ родѣ; „мишка", или „барсучекъ—кушай хорошенько!". Совѣтами хорошенько кушать, впрочемъ, ограничивались его отношенія и къ собственнымъ дѣтямъ. Онъ бывалъ дома только иногда за обѣдомъ и вечеромъ, когда были гости. Иначе онъ обѣдалъ и проводилъ вечера въ англійскомъ клубѣ или съ тетушкою гдѣ нибудь въ гостяхъ. Тетушка по утрамъ—въ то время, когда дядя отлучался по дѣламъ службы—ѣздила по магазинамъ, а послѣ завтрака дѣлала визиты. Ея заботы о дѣтяхъ сосредоточивались на томъ, что-бы они были хорошо одѣты и въ нихъ не было-бы ничего „вульгарнаго„. Вся семья сполна встрѣчалась только за завтракомъ въ двѣнадцать часовъ. Послѣ утренняго чаю, который пился всѣми старшими порознь, а намъ, дѣтямъ, подавался въ классной, мы подъ предводительствомъ M-elle Aline, ходили здороваться съ дядей и теткой, причемъ цѣловали имъ ручку. Дѣти произносили: „Bonjour, cher papa! Bonjour, chère maman!" А я говорила: „Bonjour, mon cher oncle! Bonjour, ma chère tante!"

Между чаемъ и завтракомъ учились уроки. Послѣ завтрака мы гуляли и еще занимались немного, а потомъ играли до обѣда. Вечеромъ, если старшіе были дома, мы являлись на полчаса въ гостиную и потомъ проводили часъ въ классной въ разсматриваніи книгъ съ картинками или за „petits jeux", если у насъ были гости. Старшіе иногда заходили взглянуть на насъ мелькомъ во время уроковъ, игры и вечеромъ, но всего на нѣсколько минутъ; вообще-же мы проводили все свое время съ M-elle Aline.

Часы уроковъ были самымъ счастливымъ моимъ временемъ. Я оказалась вполнѣ въ состояніи принять участіе въ занятіяхъ дѣтей. Катя была годомъ старше меня, а Ольга однихъ лѣтъ со мною; за нею слѣдовали погодки Петя и Саша. Всѣ они были, хотя и не особенно тупы, но невообразимо лѣнивы. Я скоро начала учиться лучше ихъ и даже помогала имъ въ приготовленіи уроковъ, что однако не вызвало съ ихъ стороны рѣшительно ничего: ни соревнованія, ни признательности. Они вообще считали, что весь свѣтъ обязанъ служить имъ, вслѣдствіе какого-то прирожденнаго, Богомъ даннаго имъ права. Они-же съ своей стороны точно одолженіе дѣлали кому-то, если учились и вели себя порядочно.

Какъ-то разъ одинъ изъ приходящихъ учителей сталъ стыдить Катю за лѣность и поставилъ ей въ примѣръ мое прилежаніе.

— Мнѣ незачѣмъ такъ стараться, какъ ей, отвѣчала Катя:

я всегда буду довольно знать для моего положенія, а Полинѣ надо учиться: она бѣдная и ей придется заработывать хлѣбъ...

— Кто это васъ научилъ такъ благоразумно разсуждать? спросилъ учитель.

— Я слышала, какъ мама говорила...

— Да? И теперь повторяете... прекрасно! Дѣти обязаны слѣдовать внушеніямъ родителей... а нуль вамъ за лѣность я все-таки поставлю!

Каковы были отношенія мои съ этими дѣтьми, трудно опредѣлить немногими словами. Я прожила съ ними около двухъ лѣтъ и даже теперь не въ состояніи сказать, было ли у нихъ не только ко мнѣ, но и вообще къ кому и къ чему бы то ни было какое нибудь теплое чувство. Не могу сказать, чтобы они, что называется, „обижали" меня,— нѣтъ, у нихъ было для этого слишкомъ много пренебреженія ко мнѣ, къ той обстановкѣ, въ которой я выросла, ко всему моему прошлому и будущему. Презрѣніе это проглядывало во всемъ; достаточно было чему нибудь заинтересовать меня — и это тотчасъ объявлялось смѣшнымъ или скучнымъ; когда я входила въ комнату, гдѣ были они, я часто слышала восклицаніе: „Ахъ, это только она!" Наружность моя служила имъ предметомъ остротъ: малый ростъ, не сошедшій еще съ лица деревенскій загаръ, худоба—все это казалось имъ страннымъ и достойнымъ осмѣянія. Я любила читать; они отнимали и прятали мои книги, какъ только я была нужна имъ на что нибудь; они вообще, не стѣсняясь прерывали всякое мое занятіе. Все это однако никогда не сопровождалось ни злобой, ни недоброжелательствомъ: да эти пресыщенныя существа врядъ ли могли испытывать злобу, точно такъ же, какъ не въ состояніи были и любить. Они часто ссорились между собою и даже грубо бранились, но какъ то больше по привычкѣ, чѣмъ вслѣдствіе досады. Меня всегда удивляли чуть не площадныя выраженія, употребляемыя ими, несмотря на заботу окружающихъ удалить отъ нихъ все „мужицкое"; для нихъ было также особенно „пикантное" удовольствіе въ томъ, чтобы говорить всякаго рода неприличности. Впрочемъ, прибавлю, что при родителяхъ, въ гостинной, или вообще при постороннихъ они держали себя безукоризненно благовоспитанными дѣтьми. Жадны или скупы они были только на то, что имъ нравилось или забавляло ихъ. Они радушно дѣлились со мной игрушками и лакомствами, когда могли прибавить: „возьми, намъ не надо, надоѣло!"

Они разсказывали мнѣ свои радости и горести, всегда въ высшей степени поверхностныя и мелкія, и въ то-же время очень удивились бы, если бы я вздумала дѣлиться съ ними какими нибудь впечатлѣніями. Они какъ будто молча сговорились и не предполагать, чтобы я вообще могла чему нибудь радоваться или о чемъ нибудь горевать—имѣть „душу живую"—я, Полина, взятая въ ихъ домъ изъ милости!.. Это они отлично знали, что я у нихъ изъ милости, и не стѣснялись напоминать мнѣ объ этомъ. Я же, помня строгій наказъ тетки, никогда ничего не говорила съ ними, кромѣ какъ о текущихъ событіяхъ, да и то ограничивалась больше отвѣтами. Счастье мое, что я по природѣ и вслѣдствіе предидущей жизни была сдержана и молчалива — иначе эта жизнь искалѣчила бы меня.

Тетушка была со мною, какъ сначала, такъ и до конца, прилична и далека. Какъ часто, глядя на нее въ то время, когда она спокойно и холодно выражала мнѣ какое-нибудь порицаніе или одобреніе, я говорила себѣ: пусть бы она выбранила меня, пусть бы хоть прибила, но что бы я послѣ могла выплакаться, припавъ къ ней же.

Единственное существо въ домѣ, относившееся ко мнѣ по человѣчески, была Алина, но и та не смѣла быть по настоящему ласкова, она боялась повредить мнѣ же, возбудить опасеніе въ теткѣ, что предпочитаетъ меня ея дѣтямъ, какъ это увѣряла вслухъ няня. Но по крайней мѣрѣ она хоть не отталкивала меня. Какъ обходилась со мной, няня я уже говорила. Помимо нея мы съ прислугой мало встрѣчались; „людямъ" было запрещено говорить съ нами: боялись, чтобы они не научили насъ чему нибудь дурному. Вообще „простые" люди были пугаломъ тетки, о „мужикахъ" я уже не говорю, „мужикъ" было въ домѣ браннымъ словомъ. Дѣти не иначе говорили о мужикахъ, да и не дѣти одни, какъ о ворахъ, обманщикахъ, пьяницахъ. Все дурное было: „мужицкое". Меня это постоянно удивляло. Я ничего такого ужаснаго до сихъ поръ въ мужикахъ не видѣла и даже тепло вспоминала того или другаго деревенскаго „дядю" или „тетку", баловавшихъ меня, бывало, своими незатѣйливыми подарками: брусникой съ толокномъ, свѣжей ватрушкой, парой молодыхъ зайчатъ... Деревенскія дѣти тоже не представлялись мнѣ пугаломъ, потому что, хотя я и не входила съ ними въ особенно близкія отношенія, но встрѣчалась часто и всегда дружелюбно.

Такъ какъ я не смѣла ничего говорить дѣтямъ о своемъ прош-

ломъ, то и мнѣній ихъ о мужикахъ не опровергала, но про себя много и долго думала, стараясь рѣшить вопросъ: почему мнѣ мужикъ скорѣе милъ, а имъ противенъ. Но въ то время я такъ ничего рѣшить и не могла.

Вообще мнѣ было скучно и тяжело, и я начала мало-по-малу совсѣмъ уходить въ себя, уносясь въ дорогое мнѣ прошлое. Тихость моя была всѣмъ на руку и ни одинъ, рѣшительно ни одинъ человѣкъ въ этомъ домѣ не понималъ сколько въ ней болѣзненнаго; только дядя удивлялся тому, что меня такъ трудно раскормить: „Не идетъ кормъ коню нашему впрокъ!" иногда шутилъ онъ.

Въ первыя недѣли пребыванія моего у дяди, меня раза два-три навѣстила Анна Игнатьевна. Принимали ее очень небрежно, дальше моей комнаты не пускали, однако угощали кофеемъ и не выражали запрета приходить; дядя зналъ давно и ее и ея мужа и даже былъ къ нимъ благосклоненъ. Меня къ нимъ, впрочемъ, не пустили, отговариваясь тѣмъ, что мнѣ нужно, не теряя времени, готовиться въ заведеніе. Я несказанно радовалась приходамъ Анны Игнатьевны, къ сожалѣнію они скоро прекратились, вслѣдствіе того, что мужъ ея получилъ назначеніе въ Нижній Новгородъ. Его я такъ никогда и не видѣла.

Съ отъѣздомъ Анны Игнатьевны у меня не осталось больше радостей кромѣ одной, но и ту подъ конецъ отняли... и какъ жестоко отняли! У меня былъ довольно большой фотографическій портретъ отца и матери. Я бережно хранила его и никому не показывала, безсознательно боясь чего-то, хотя постоянно любовалась имъ, когда меня никто не могъ видѣть. Мнѣ была отведена маленькая чистая комнатка рядомъ съ няниной и, хотя сосѣдство это не нравилось мнѣ, такъ какъ давало Аннушкѣ возможность безнаказанно терзать меня своими попреками, но комнатку свою я очень любила: тамъ я могла безъ помѣхи любоваться моими дорогими покойниками. Отецъ мой былъ живъ, конечно, но такъ далекъ и я такъ мало знала о немъ, что и онъ иногда казался мнѣ покойникомъ. Я каждый вечеръ клала портретъ около своей постели, чтобы утромъ, открывъ глаза, тотчасъ взглянуть на него. Такъ я дѣлала въ теченіе двухъ лѣтъ. Не знаю, какъ это случилось, но однажды утромъ я такъ долго замѣшкалась съ одѣваньемъ, въ которомъ мнѣ всегда неохотно помогала няня, что меня два раза позвали къ чаю, а я не была еще готова. Боясь третьяго зова, я очень заторопилась и не успѣла спрятать портрета въ комодъ, а сунула его только подъ подушку, не сообразивъ, что постель будутъ перестилать.

Утро прошло по обыкновенію: мы учились, потомъ завтракали, потомъ гуляли. Вернувшись съ гулянья, я пошла раздѣться въ свою комнату и вспомнила о портретѣ. Я сунула руку подъ подушку, чтобы достать его и спрятать подъ ключъ. Подъ подушкой ничего не было. Я перерыла всю комнату: портрета нигдѣ не оказалось. Я бросилась въ комнату Аннушки.

— Чего нужно? грубо спросила няня, давно не говорившая со мною иначе.

— Портретъ, портретъ гдѣ?

— Какой? Ахъ да! Не знаю... Суете всякую дрянь въ постель—вотъ тетенькѣ пожалуюсь!

— Значитъ вы знаете, какой, плача продолжала я: вы знаете, что онъ былъ подъ подушкой... Отдайте сейчасъ, слышите! И это не дрянь, а мама съ папой... сейчасъ отдайте!

— Ишь гремитъ громъ не изъ тучи!.. усмѣхнулась Аннушка: Нѣту у меня вашего портрета!

— Гдѣ онъ, гдѣ? дрожа отъ печали и гнѣва настаивала я: Если вы его взяли безъ спросу и не хотите отдать, значитъ вы его украли...

— Ужь и украла, не видала добра!

— Куда вы его дѣли? Боже мой, Боже мой! Мама, мама! рыдала я.

— Есть чего ревѣть! Не пропалъ вашъ портретъ, тутъ вонъ лежалъ, да прибѣжалъ Сашенька, увидалъ и взялъ себѣ играться.

Я стремглавъ пустилась въ дѣтскую—въ слезахъ, гнѣвная; отворяя дверь, я уже кричала:

— Саша, отдайте мнѣ сейчасъ портретъ, онъ мой—моихъ мамы и папы!..

Дѣти толпились кучкой у стола, Саша имъ что-то показывалъ и всѣ громко смѣялись. Я растолкала ихъ и бросилась къ столу: тамъ лежалъ портретъ среди разбросанныхъ красокъ; рамка и стекло были сняты; Саша только что раскрашивалъ фотографію. Я ничего не могла разобрать: въ глазахъ у меня зарябили только ярко-зеленыя, голубыя и красныя полосы.

— Безсовѣстные, безсовѣстные! Какъ вы смѣли! рыдала я.

— Экая важность! вздернувъ голову произнесла Катя: Не смѣть тронуть вещей m-lle Полины—какая принцесса, подумаешь!

— А я вотъ покажу тебѣ, какъ я не смѣю! крикнулъ Саша и сразу мазнулъ желтой краской по дорогимъ мнѣ лицамъ. Я съ силой оттолкнула его и схватила портретъ. Я плакала въ голосъ. Саша, не ожидавшій моего нападенія, потерялъ равновѣсіе, упалъ и заревѣлъ во всю мочь.

Петя два раза ударилъ меня кулакомъ въ спину и хотѣлъ продолжать, но Катя и Оля удержали его.

Все это произошло такъ быстро, что когда Алина, выходившая на минуту, вернулась, то застала уже всю драму поконченною. Она прежде всего разсадила насъ по стульямъ и затѣмъ стала разспрашивать Сашу, что съ нимъ. Оказалось, что онъ набилъ себѣ порядочную шишку на головѣ. Дѣти разсказывали, что я хотѣла убить его. На бѣду мою въ это время пришла тетушка. Я безутѣшно плакала, сидя на своемъ стулѣ, и прижимала къ груди перепачканный портретъ. Тетушка холодно разспросила Алину о случившемся, послала въ аптеку за арникой для Саши, а мнѣ приказала попросить у него прощенья.

— Я не буду, отвѣчала я: онъ виноватъ, не я!

— Ты не выйдешь изъ своей комнаты, пока не попросишь у него прощенья! возразила тетушка ледянымъ голосомъ.

— Не буду! опять отвѣчала я.

— Il n'ya pire eau que celle, qui dort! замѣтила генеральша.

— Это портретъ ея родителей... Дѣти безъ спросу взяли его и перепачкали... вмѣшалась Алина.

— Недостаетъ еще, чтобы вы заступались за нее, рѣзко отвѣтила тетка: Проси прощенья, дрянная дѣвчонка!

— Не стану... хоть вы меня убейте?

Я просидѣла недѣлю въ своей комнатѣ, подъ ключемъ. Ко мнѣ входила одна Аннушка. Чего не наслушалась я отъ нея за это время!

Портретъ я кое-какъ отмыла, но лица на немъ теперь едва можно было различать. Сидя взаперти, я много плакала и молилась, прося Бога, чтобы меня поскорѣе отдали въ институтъ: Тамъ я буду не изъ милости, тамъ не будутъ меня удалять отъ другихъ, запирать въ комнату на ключъ... Тамъ я буду хорошо учиться и меня за это будутъ любить... Тамъ все будетъ хорошо, потому что я буду тамъ, а не здѣсь—въ заточеніи, гдѣ злая нянька безъ помѣхи обижаетъ меня....

Все проходитъ на свѣтѣ—прошло и время моего наказанія, хотя прощенія я у Саши не просила. Однажды утромъ, Аннушка объявила, что мнѣ приказано идти къ чаю. Я пошла. Встрѣча моя съ дѣтьми была самая обыкновенная; они совсѣмъ позабыли свою досаду на меня, или-же имъ велѣно было не вспоминать ни о чемъ, только никто изъ нихъ ничѣмъ не намекнулъ мнѣ на случившееся. Тетка по прежнему—не суше—поздоровалась со мною. Когда я подошла къ дядѣ, онъ ласково потрепалъ меня по щекѣ, говоря: „ну, что, поправился барсучекъ!“

Его увѣрили, что я эту недѣлю была больна.

Алина крѣпко поцѣловала меня въ темномъ коридорѣ, шепча: „Patience, courage, ma pauvre enfant!“ А потомъ жизнь потекла будто по старому, только я была долго неутѣшна.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого, меня выбаллотировали въ одинъ изъ провинціальныхъ институтовъ. Мнѣ былъ уже двѣнадцатый годъ. Когда пришло извѣстіе о моемъ принятіи въ заведеніе, тетушка сначала хотѣла отправить меня туда съ Алиной. Поѣздкѣ съ ней я очень обрадовалась. Радовалась этому путешествію и сама Алина. Какъ вообще гувернантки въ русскихъ семьяхъ, она въ домѣ дяди считалась лицомъ, продавшимъ себя, такъ сказать, съ тѣломъ и съ душею и обязаннымъ поэтому отдавать все свое время сполна въ распоряженіе своихъ покупателей. Я помню, какъ она въ теченіе цѣлаго дня со слезами на глазахъ смотрѣла украдкой на письмо, гдѣ было извѣстіе отъ ея трудно-больной матери: она не смѣла распечатать и прочесть его; узнай генеральша, что она хоть на минуту отвлеклась отъ дѣтей и занялась своими дѣлами—ей отказали-бы, а у нея была хворая и бѣдная мать!

Поѣздка со мною была-бы для нея желаннымъ отдыхомъ, но она такъ и осталась предположеніемъ. Не отправили меня съ нею вслѣдствіе того, что дядя получилъ давно ожидаемый трехмѣсячный отпускъ и рѣшилъ провести часть его въ одномъ изъ своихъ имѣній, находившемся недалеко отъ губернскаго города, гдѣ былъ институтъ, куда я поступала. Рѣшили, что я поѣду въ деревню со всею семьей, а потомъ тетушка сама, при удобномъ случаѣ, передастъ меня съ рукъ на руки начальницѣ заведенія. Я радовалась поѣздкѣ въ деревню, но, попавъ туда, убѣдилась, что жизнь Медвѣдевыхъ тамъ не отличается ничѣмъ отъ ихъ городской жизни. Даже прогулки наши ограничивались только садомъ, гдѣ мы чинно прохаживались подъ вуалями, въ перчаткахъ и съ зонтиками въ рукахъ. Садъ былъ большой, старинный—какъ-бы то ни было, это былъ не Елагинъ островъ, гдѣ мы обыкновенно жили лѣтомъ на дачѣ. Я была счастлива уже и этимъ. Но мнѣ не долго пришлось пробыть въ деревнѣ. Въ одно іюньское утро, мнѣ велѣли проститься съ дядей и дѣтьми, потомъ посадили въ коляску рядомъ съ уже сидѣвшей тамъ генеральшей и повезли въ институтъ, куда я такъ рвалась за послѣднее время.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).